

Зелинский Фаддей Францевич

Соперники христианства

**Статьи по истории античных
религий профессора С.-
Петербургского университета Ф.
Зелинского**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф15

Ф15 **Фаддей Францевич З.**
Соперники христианства: Статьи по истории античных религий профессора
С.-Петербургского университета Ф. Зелинского / Зелинский Фаддей Франце-
вич – М.: Книга по Требованию, 2022. – 415 с.

ISBN 978-5-519-86036-9

Религия. Христианство. Христианство и язычество

ISBN 978-5-519-86036-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Подъ «соперниками христіанства» здѣсь разумѣются тѣ теченія античной религіозной и міросозерцательной мысли, которыя въ большей или меньшей степени удовлетворяли тѣмъ же потребностямъ человѣческой души, какъ и христіанство, и поэтому должны были вступить съ нимъ въ борьбу. Въ этомъ томѣ собраны тѣ изъ нихъ, которыя, будучи исконно греческаго происхожденія, подверглись болѣе или менѣе значительному влиянію либо римскаго, либо восточнаго генія: къ первой группѣ относятся статьи: «Римъ и его религія» (I), «Древнее христіанство и римская философія» (IV) и «Античная гуманность» (V); ко второй—«Гермесъ Трижды-Величайшій» (II), «Елена Прекрасная» (III) и «Умершая наука» (VI). Особнякомъ стоитъ послѣдняя, синтетическая статья «Трагедіи вѣры» (VII), представляющая античную религію въ борьбѣ съ различными теченіями христіанской.

Не вошли въ настоящій томъ двѣ рѣзко обособленныя группы «соперниковъ христіанства». Это, во-первыхъ, восточныя религіи, проникшія въ предѣлы римской имперіи къ эпохѣ древнѣйшаго христіанства и получившія въ ней широкое распространеніе—религіи Иисуса, Митры, Беллоны и др.; и, во-вторыхъ, исконные типы чистой эллинской религіи, вѣра

въ которые не исчезла и понынѣ и врядъ ли исчезнетъ когда-либо — Зевсъ съ Аѳиной и Геракломъ, Деметра и Афродита, Аполлонъ и Діонисъ. Относительно первой группы могу отослать читателя къ прекрасной книгѣ Ревилля о римской религіи при Северахъ, тѣмъ болѣе, что она имѣется и въ русскомъ переводѣ; что касается второй, то ея воссозданіе было бы вѣнцомъ нашихъ работъ по античной религіи, а о немъ я пока еще не смѣю мечтать. Въ основѣ всякой религіи лежитъ чувство—въ этомъ не сомнѣваются. Но если такъ, то главной задачей изслѣдователя какой-нибудь религіи должно быть то, что въ современной психологіи называется «вчувствованіемъ»; безъ него мы получимъ лишь эрудицію, древесину религіи—но не религію. Въ этомъ затрудненіе. Матерьялы читатель найдетъ въ серьезныхъ руководствахъ греческой миѳологіи; результаты вчувствованія я попытался набросать въ своемъ символическомъ этюдѣ «*vince. Sol!*», которымъ кончается второй томъ моей «Жизни идей». Сліяніе тѣхъ и другихъ — задача будущаго.

Предлагаемые въ настоящемъ томѣ вниманію публики семь очерковъ были напечатаны раньше: I «Римъ и его религія» — въ Вѣстн. Евр. 1903, янв.—февр.; II «Гермесъ Трижды-Величайшій» — тамъ же, 1905, февр.—мартъ; III «Елена Прекрасная» — въ Вопросахъ жизни, 1905. дек.; IV «Древнее христіанство и римская философія» — въ Вопросахъ философіи, 1903, янв.; V «Античная гуманность» — въ Вѣстн. Евр., 1898, янв.; VI «Умершая наука» — тамъ же, 1901, окт. и ноябрь; VII «Трагедія вѣры» — тамъ же, 1899, ноябрь. Наиболѣе серьезной переработкѣ подверглись при переизданіи обѣ послѣднія статьи. «Умершая наука» была значительно сокращена, снабжена чертежами и, главное, во многихъ мѣстахъ передѣлана въ зависимости отъ новыхъ открытій и изслѣдованій въ области древней астрологіи. Что касается «Трагедіи вѣры»,

то вскорѣ послѣ ея появленія въ Вѣстн. Евр. нѣмецкими друзьями Иммермана было выражено желаніе видѣть ее также и въ нѣмецкомъ переводѣ; переведенная моей женой, статья появилась въ 1901 г. въ Лейпцигѣ подѣ заглавіемъ *Die Tragödie des Glaubens*. По этому случаю мною были сдѣланы значительныя дополненія, главнымъ образомъ, въ видахъ установленія связи между нѣкоторыми типами Иммермана и философіей «новѣйшаго Мерлина», Фр. Ницше. Эти дополненія вошли также и въ настоящее русское изданіе; но это не все. Цѣлью перваго изданія было, между прочимъ, возбудить въ русской публикѣ интересъ къ глубокой философской драмѣ Иммермана; эта цѣль была достигнута лишь въ очень скромной степени, причемъ главнымъ препятствіемъ—по отзыву многихъ—было то, что отрывки поэмы были приведены въ расхолаживающемъ прозаическомъ переводѣ. Въ виду этого переводъ нынѣ данъ стихотворный: конечно, задача—при своеобразномъ характерѣ поэмы—была не изъ легкихъ, и я далеко не увѣренъ, что рѣшилъ ее удовлетворительно. Все же я надѣюсь, что въ настоящемъ видѣ статья скорѣе дастъ читателю представленіе о томъ, что такое—«Мерлингъ» Иммермана.

Обложка украшена снимкомъ со статуи моего дорогого сподвижника и друга, проф. В. А. Веклемишева, — статуи, названной имъ „Въ защиту божества“. Приношу ему и здѣсь свою сердечную благодарность за его любезное разрѣшеніе воспользоваться его трудомъ и этимъ еще разъ засвидѣтельствовать общность нашихъ идеаловъ при различности путей, по которымъ мы стремимся къ ихъ достиженію.

С.-Петербургъ.
Декабрь 1906 г.

В. Ильинскій.

РИМЪ и ЕГО РЕЛИГІЯ.

I.

Современный Римъ представляетъ взору наблюдателя любопытное и въ извѣстныхъ отношеніяхъ трагическое зрѣлище: зрѣлище борьбы живого и жаждущаго жизни существа со своимъ чрезмѣрно великимъ прошлымъ. Достаточно вдуматься въ значеніе происшедшей съ нимъ метаморфозы, когда бывшая столица міра превратилась въ столицу второстепеннаго европейскаго государства, значеніе этой—если можно такъ выразиться—девальваціи Вѣчнаго Города, чтобы понять ту жгучую боль, которую несконные обитатели испытываютъ отъ сознанія этой диспропорціональности между прошлымъ и настоящимъ, между символомъ и дѣйствительностью. Противъ этой боли есть только одно средство — мечта, утопія: „Римъ дважды продиктовалъ міру свои законы—онъ продиктуетъ ихъ ему и въ третій разъ“... Отсюда тѣ порывы, тѣ болѣзненные и изнуряющіе потуги, о плачевныхъ послѣдствіяхъ которыхъ мы слышимъ иногда; это—не что иное, какъ почти патологическія явленія въ сознаніи города, чувствующаго себя наслѣдникомъ великаго имени и тяготящагося своимъ положеніемъ, какъ столицы средней руки и „космополиса“ сомнительнаго достоинства.

И нѣтъ сомнѣнія, что эти потуги еще не разъ заставятъ говорить о себѣ; все же пока онѣ не увѣнчаются успѣхомъ—а успѣхъ въ предѣлахъ ближайшаго будущаго неправдоподобенъ—Римъ останется для цивилизованнаго міра тѣмъ, чѣмъ

былъ до сихъ поръ: громаднымъ городомъ-памятникомъ, свидетелемъ и символомъ культурныхъ стремленій европейскаго человѣчества. И можно сказать поистинѣ: такимъ городомъ-памятникомъ онъ былъ во всѣ времена, о которыхъ помнитъ исторія. Цѣль памяти растягивается, чѣмъ болѣе звеньевъ прибавляется къ прошлому; но мы не можемъ указать времени, когда бы взоры людей не были обращены къ прошлому, когда бы принадлежащія прошлому звенья не казались больше и лучше тѣхъ, которыя нарастали въ настоящемъ. Не только современные римляне любятъ твореніями эпохъ Сикста Четвертаго или Юлія Второго, не только габеллины папской эпохи мечтали о міровой власти цезарей, не только оппозиція императорскаго времени воздыхала, при видѣ форума, о свободномъ словѣ республиканскихъ ораторовъ—и они, эти республиканскіе ораторы, видѣли въ прошломъ величіе своего Рима: какъ горы надъ холмами, такъ надъ Цицеронами и Помпеями возвышались Сципіоны и Павлы эпохи великихъ войнъ. А тамъ поднимались Регулы и Фабриціи, а за ними—Деции и Папирии, далѣе—Коріоланы и Камиллы, вплоть до исполиновъ сказочной старины, сыновей и собесѣдниковъ безсмертныхъ боговъ, Ромуловъ и Нумъ. Всегда римлянинъ видѣлъ свое прошлое окруженнымъ ослѣпительной зарей, при свѣтѣ которой всѣ лица и предметы выросли до предѣловъ неземного и чудеснаго; причину этой иллюзіи объясняетъ намъ историкъ Рима, Ливій, который самъ ей подчинялся сознательно и охотно—сознательно какъ историкъ, охотно какъ римлянинъ—*„miscendo humana divinis“*... Всѣ или почти всѣ памятники древняго и новаго Рима прямо или косвенно—памятники религіозные. Римъ и религія издревле состоятъ въ таинственномъ родствѣ; недаромъ самое слово „религія“, принятое всѣми культурными народами и ни въ одномъ не замѣненное словомъ самобытнаго происхожденія—создано Римомъ. „Религія“—это не то, что вѣра, или исповѣданіе, или благочестіе; это—таинственная цѣль, „связывающая“ (*religans*) насъ съ чѣмъ-то выше насъ, въ чемъ бы оно ни заключалось. Мы можемъ прекратить всѣ практики благочестія, можемъ отказаться отъ всѣхъ догматовъ, составляющихъ какое-нибудь исповѣданіе, можемъ даже потерять всякую вѣру—по мы остаемся религіозны до

тѣхъ поръ, пока отводимъ въ своемъ міросозерцаніи извѣстную область великому Непознаваемому и чувствуемъ нашу относимость къ нему.

Такъ понимаютъ самъ Римъ свою религію; такъ отъ него научились понимать ее всѣ религіозные люди всего культурнаго міра. Религія Рима, такимъ образомъ, не то же, что христіанство или католицизмъ, хотя она и можетъ, конечно, заключаться и въ томъ, и въ другомъ. И въ этомъ состоитъ всемірное значеніе Рима также и въ нынѣшнія времена, далеко выходящее за предѣлы той области земного шара, которая объединена съ нимъ единствомъ исповѣданія. Можно даже сказать: чѣмъ менѣе міросозерцаніе человѣка укладывается въ рамки опредѣленнаго исповѣданія, тѣмъ болѣе будетъ онъ чувствовать притягательную силу Рима, какъ мірового религіознаго центра. Примѣръ этому мы видѣли и у насъ въ очень недавнемъ прошломъ: его величіе не умалется тѣмъ превратнымъ и низменнымъ толкованіемъ, которому онъ подвергся и подвергается, благодаря убожеству и узости взглядовъ толкователей.

Въ виду этого, и исторія развитія *римской религіи* представляетъ особый интересъ: изслѣдуя ее, мы изслѣдуемъ исторію развитія религіи на ея родной почвѣ. Это положеніе можетъ показаться парадоксальнымъ: мы такъ свыклись, со словъ нѣкоторыхъ филологовъ и историковъ послѣднего столѣтія, съ представленіемъ о Римѣ какъ о какой-то культурной Харибдѣ, которая поглотила Грецію и Востокъ и, украсивъ себя ихъ доспѣхами, ничего своего цивилизованному міру не дала! И въ матеріальномъ отношеніи это представленіе—съ нѣкоторыми оговорками—остається справедливымъ, какъ мы это увидимъ и въ настоящемъ очеркѣ. Но въ томъ-то и заключается ошибка упомянутыхъ ученыхъ, что они слишкомъ подчеркиваютъ матеріальную сторону и забываютъ о томъ, что при всѣхъ неоспоримыхъ заимствованіяхъ составляетъ исконное достояніе Рима. И нигдѣ важность этой ошибки не сказывается такъ сильно, какъ въ затронутомъ нами здѣсь вопросѣ. Фактъ греческихъ и восточныхъ заимствованій несомнѣненъ; ихъ объемъ таковъ, что никакое представленіе о немъ нельзя будетъ называть преувеличеннымъ; и все таки, если насъ спросятъ: „да что же останется отъ римской религіи, если устранить изъ нея

всѣ греческіе и восточные элементы?" — мы въ правѣ будемъ отвѣтить: „останется—religio“.

И всѣ эти заимствованія, не лишая римскую религію ея характера, какъ самобытнаго достоянія римской почвы, придаютъ въ то же время изученію ея развитія особую прелесть: значеніе Рима, какъ города-памятника, выступаетъ здѣсь съ особенной силой. Произведите, освоившись съ Римомъ и его музеями, хронологическій смотръ его археологическимъ сокровищамъ: грубые и безвкусные, но таинственныя въ своей добровольной простотѣ остатки первобытной эпохи смѣняются грубыми же, но заносчивыми произведеніями этрусскаго искусства, наводнившими Римъ во времена Тарквиніевъ; за ними идутъ, уже съ первыхъ годовъ республики, творенія греческихъ художниковъ въ послѣдовательномъ чередованіи стилей—отъ первоначальной строгости современниковъ Коріолана до пышности александрійской эпохи, за которой послѣдовала реакція. Въ одно время съ ней состоялось вторженіе восточныхъ мотивовъ, преимущественно египетскихъ; вскорѣ за нимъ послѣдовала упадокъ, а затѣмъ и перерожденіе подъ вліяніемъ христіанства. Всѣ эти метаморфозы римскаго искусства сопровождались соотвѣтственными метаморфозами римской религіи; мало того, они были ими вызываемы. И современный изслѣдователь римской археологій очень поверхностно отнесется къ своей задачѣ, если онъ, изучая преемство и чередованіе художественныхъ стилей, обойдетъ своимъ вниманіемъ внутреннюю сторону изучаемыхъ явленій—развитіе римской религіи.

Такимъ образомъ, эта религія представляетъ намъ совершенно своеобразное, нигдѣ, кромѣ Рима, не наблюдаемое зрѣлище. Въ Индіи старинная религія Ведъ порождаетъ брахманизмъ, который въ дальнѣйшемъ органическомъ развитіи выдѣляется изъ себя буддизмъ—именно выдѣляется, такъ какъ новая религія, будучи прямымъ отрицаніемъ старой, не могла ужиться съ ней и, вытѣсненная силой, должна была искать себѣ послѣдователей внѣ предѣловъ своей первоначальной родины. Въ Иранѣ равнымъ образомъ новая религія—религія Заратустры—органически вырастаетъ изъ стариннаго многобожія, но, продолжая жить и дѣйствовать на первоначальной почвѣ, мало-по-малу опять подчиняется ея вліянію и принимаетъ въ себя

нѣкоторые ея элементы. На берегахъ Иордана чудесно зародившійся религія любви, послѣ кратковременнаго бурнаго сожительства съ іудаизмомъ, окончательно выдѣляется изъ него, оставляя іудаизмъ въ его прежней самобытной чистотѣ. Въ Греціи религія Аполлона, будучи—быть можетъ и даже вѣроятно—не-греческаго происхожденія, тысячу нитей срастается съ первобытной религіей Зевса и становится, благодаря этому, самымъ яркимъ показателемъ греческаго гения. Въздѣ мы имѣемъ органическое развитіе, процессъ естественной эволюціи и ассимиляціи; въ Римѣ -- не то. Эволюція римской религіи состояла въ цѣломъ рядѣ послѣдовательныхъ наслоеній, которыя не ассимилировались съ первоначальной почвой религіозныхъ представленій: чужое такъ и оставалось чужимъ и познавалось какъ таковое. Его вліяніе на сердца римлянъ объясняется только тѣмъ, что они въ этомъ чужомъ узнавали элементъ родственныи тому, что было для нихъ роднымъ, и въ то же время сознавали, что тамъ онъ воплощенъ ярче, сильнѣе, дѣйствительнѣе; имя этому элементу — religio. И вотъ причина, почему христіанство нашло именно въ Римѣ такую благодарную почву: будучи отрицаніемъ всѣхъ прочихъ религій тогдашняго цивилизованнаго міра, съ іудаизмомъ включительно, оно было только послѣднимъ фазисомъ развитія римской религіи. Уже давно было замѣчено, что война, объявленная христіанствомъ Риму, касалась не того, что въ немъ было исконно римскаго, а позднѣйшихъ греческихъ и восточныхъ наслоеній; достаточно было этимъ наслоеніямъ отпасть — и Римъ и христіанство познали другъ друга и другъ съ другомъ слились. Греческій великій Панъ умеръ, когда надъ его міромъ возсіялъ Крестъ; но римская religio не только продолжала жить,—она еще сильнѣе воспылала подъ новымъ знаменемъ.

II.

Все же должно признать, что не развитія только-что соображенія были причиной изученія того, что мы нынѣ называемъ римской религіей: когда оно началось,—ни своеобразный характеръ ея эволюціи, ни ея гармонія съ христіанствомъ не сознавались. Объ эволюціи и рѣчи не было; все явленія изучае-

мага предмета понимались какъ сосуществующія, внѣ категорій времени—въ чемъ, впрочемъ, заключалась доля истины. Римъ и образъ, и гармонія съ христіанствомъ не находили и не искали; совершенно напротивъ: именно, антагонизмъ воскрепаемаго великаго языческаго Рима съ папскимъ и послужилъ стимуломъ къ изученію „древностей“ перваго, съ его религіей включительно. Торжество Возрожденія при папскомъ дворѣ не измѣнило этого положенія дѣлъ: гуманисты, дававшіе папамъ Николаю V и Юлію II языческой титулъ Pontifex maximus, даже не подозрѣвали, до какой степени они были правы—они просто угождали своему гуманистическому стремленію перенести, вмѣстѣ съ чистой и звучной латынью Цицерона, также и всю обстановку древняго Рима въ новый.

Когда, затѣмъ, центромъ изученія и воспроизведенія античности стала Франція, римская религія пріобрѣла въ глазахъ ученыхъ и общества новый интересъ, но все же не тотъ, о которомъ выше говорили мы. Древній Олимпъ окружалъ образованнаго человѣка повсюду: онъ глядѣлъ на него съ перекрестковъ чинныхъ аллей королевскихъ парковъ; онъ улыбался ему съ разукрашенныхъ потолковъ золоченыхъ залъ; онъ разговаривалъ съ нимъ съ подмостковъ театровъ; онъ то-и-дѣло мелькалъ передъ нимъ на страницахъ его любимыхъ книгъ. Олимпъ же этотъ безразлично обнималъ и греческихъ, и римскихъ боговъ; всѣ они одинаково подходили подъ общее понятіе: „древняя міѳологія“. И въ этомъ была доля правды: въ сущности, Горацій и Овидій понимали своихъ боговъ не много иначе.

Затѣмъ, англо-германскій неогуманизмъ объявилъ войну французскому классицизму; но его побѣда была въ значительной степени побѣдой эллинизма надъ романизмомъ, интересъ къ которому значительно понизился, пока его не воскресилъ Нибуръ; воскресилъ же онъ его подъ знаменемъ критики. Критика была третьей стѣпуньей римской религіи; въ ся вѣдѣніи она пребываетъ и понынѣ. Нельзя сказать, чтобы она баловала свою питомицу; вѣрная своему имени, означающему по-гречески „выдѣленіе“, она главнымъ образомъ старалась „выдѣлить“ изъ римской религіи все то, что принадлежало другимъ народамъ и особенно Греціи. „Древняя міѳологія“ была забра-